

Уважаемые читатели!

Предлагаю вашему вниманию еще один из параграфов первой части незаконченной монографии «Общество: сила и прогресс». Мне пришлось раскритиковать многих, кто писал на тему о прогрессе. Одним из таких является российский исследователь и философ А. Фурсов. Этот «кусочек» своей работы я предварительно направил ему для просмотра, но в ответ он мне сказал, что моя критика «поверхностна» и что я не понял-де его концепции прогресса. Не исключаю, возможно, я что-то и не понял. Поэтому я предложил ему ответить письменно на мою «поверхностную» критику своими контраргументами. И эту контркритику я обещал ему вывесить на своем сайте. Он согласился. Будем ждать ответа.

Кстати, те, кто способен размышлять на понятийном уровне, могут также принять участие в критике моих работ.

Русские о прогрессе: XIX–XX века и далее

Как и следовало ожидать, русская мысль о прогрессе, за редким исключением, если отвлечься от марксистско-ленинского направления, сводится к банальной религии, а также к «правовому прогрессу». Естественно, такой подход освобождал философов от мучений над раскрытием онтологической сути прогресса.

Первое направление осмысления понятия «прогресс» связано с именем Вл. Соловьева, теософа, последователями и соратниками которого были С.Н. Булгаков, князь-братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, И.В. Гессен, Н.А. Бердяев и др. Их рассуждения о «Софии», «совместной деятельности бога и человека», «мессианской» роли России и т.д. активно пропагандируются в современной России, катящейся в Средневековье. К науке их взгляды не имеют никакого отношения, поэтому мы можем спокойно обойтись без анализа их работ. Курьеза ради можно только процитировать Вл. Соловьева, который свой взгляд на «прогресс» сформулировал в двух словах: «Спасаящийся спасется. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет». Чтобы это понять, надо быть не просто очень-очень русским, но и очень-очень православным.

Другое направление увязано с правовыми аспектами прогресса, который разрабатывали в своих трудах Б.Н. Чичерин и другие «политологи» России второй

половины XIX – первой половины XX века. Весь их «прогресс» сводился к необходимости создания в России правового государства — идея, мало чем отличающаяся от аналогичных идей европейских ученых XVII и XVIII веков, и рассматривать ее здесь также нет смысла.

Ближе к нашей теме, судя по некоторым ссылкам, были представители критической мысли России XIX века, в частности марксист П.Л. Лавров, активный участник Первого Интернационала, а также некогда популярный народник Н.К. Михайловский с их «формулой прогресса». К сожалению, у меня нет под рукой их работ, поэтому они также оказываются за бортом данного исследования. Но у меня, к счастью, оказалась работа одного автора, который обычно игнорируется нынешними идеологами России. Это работа Льва Мечникова, которая по своей глубине не уступает, а по некоторым позициям и превосходит западные взгляды на тему прогресса. Кстати, впервые эта книга вышла в Париже в 1889 г.

Лев Ильич Мечников (1838–1888)

В его книге[1] затронуты очень важные темы с весьма интересными наблюдениями и выводами. Я же коснусь только тех частей, которые относятся к прогрессу.

В качестве одного из несомненных доказательств прогресса Мечников рассматривает усовершенствование техники. Об этом писали и до него, но Мечников делает это в специфическом контексте. Он пишет: благодаря технике «мы должны будем признать колоссальный рост человеческой мощи, гигантский рост власти человека над силами природы, над временем и пространством – этими двумя космическими врагами человека».

До Мечникова, кажется, никто не объявлял время и пространство врагами человечества. Но русский прав. Человечество всю свою историю постоянно боролось со временем и пространством. Прогресс как раз и заключается в том, чтобы за наименьшее время преодолеть наибольшее пространство. Поскольку же второй закон термодинамики воплощает в себе время и пространство (стрела времени и т.д.), то человечество фактически всю свою историю боролось против этого закона. А инструментом против него были знания, воплощенные в технике. Иначе говоря, усовершенствование техники – это одно из средств, ведущих к прогрессу. Мечников

совершенно верно схватил взаимосвязи явлений, выраженных словами «техника», «прогресс», «время» и «пространство».

Правда, он не фетишизирует технику, полагая, что она всего лишь один из элементов общего прогресса. У него в запасе более весомый критерий, и таким критерием для него является «факт нарастания общечеловеческой солидарности». Прежде чем растолковать, что это такое, Мечников напоминает суждения французского философа Франциска Булье (1813–1899). Поскольку нам он до этого не попадался, дадим некоторые его суждения в изложении Мечникова.

Булье утверждает: «Существует только один исторический закон – это закон прогресса...». И этот закон применим только к разумному существу – к человеку. «Существо, - полагает Булье, - не обладающее ни разумом, ни свободой, может переходить из одного состояния в другое, может развиваться, эволюционировать, но ни в коем случае не может прогрессировать». По мнению Булье, прогресс – это не просто продвижение вперед, а разумное, сознательное и свободное движение к «общему благу». Таким образом, суть прогресса – общее благо. Здесь остается только определить, что такое «благо» и каким образом оно достигается.

Прежде чем ответить на эти вопросы, Мечников очень интересно разбирает Дарвина и Спенсера. Он напоминает, что еще до Дарвина и Спенсера русский ученый Карл Бэр научно доказал, что в мире органических явлений прогресс определяется морфологическим критерием, а именно степенью дифференциации. Это напоминание ему необходимо для того, чтобы перейти к общим суждениям. Он пишет: «В области естественных наук под прогрессом понимают ту дифференциацию явлений природы, которая в каждой последующей фазе эволюции проявляется с большей интенсивностью. Явления считаются прогрессивными, если каждый из их составных элементов, воспроизведя отличительные свойства всех предыдущих степеней развития, содержит в себе еще какой-нибудь новый элемент, еще не проявлявшийся в предыдущих фазах, и если при всем том новая стадия в состоянии зародить еще новые способные к эволюции элементы».

Здесь самое важное слово – новое. Если в любом движении природы, по мнению Мечникова, появляется нечто новое, его можно квалифицировать как прогрессивное. В результате мы можем видеть прогресс в растениях относительно минералов, поскольку у первых появилась способность питаться, размножаться, расти; у животных

появляются такие «новшества», как движение + ощущения. Далее идет человек с его «интенсивностью интеллектуальной жизни».

Новое – действительно очень важный элемент движения к прогрессу, только сам прогресс имеет отношение только к человеку. И в какой-то степени Мечников сам склоняется к этому при разграничении биологии и социологии. Он пишет: «Биология изучает в области растительного и животного мира явления борьбы за существование, социология же интересуется только проявлениями солидарности и объединения сил, т.е. фактами кооперации в природе».

Мечников в угоду своей теории игнорирует тот очевидный факт, что социология интересуется не только фактами кооперации, но не в меньшей, если не в большей степени фактами борьбы, вражды и прочими явлениями, которые раздирают человечество. Он прав, конечно, когда критикует позитивистский постулат: «общество есть организм» (Конт, Спенсер) с позиции неправомерности перенесения законов биологии на общественные явления. Тем не менее сам это невольно делает.

В связи с темой свободы и прогресса он пишет: «... в природе, т.е. в области биологических явлений, степень свободы отдельных особей, объединенных в коллективы, может служить мериллом прогресса». С этой точки зрения, видимо, самым прогрессивным можно считать рой пчел или муравейник.

Что же касается «роя человеческого», то здесь Мечников не устоял перед Прудоном и вообще анархизмом. Вот его идеал: «Таким образом, социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания или безвластия, анархии». Почему-то Мечников не понял, что свобода, доведенная до анархии, перестает быть свободой, а превращается в хаос, в котором гибнут радетели анархо-свободы. Но это к нашей теме пока не относится. Мечников, несмотря на свой анархизм, удачно сформулировал важную цель общества: «именно сохранение и беспредельное развитие человеческого вида...».

Именно в этом, в «беспредельном развитии человеческого вида» и состоит одна из составляющих сути прогресса. То есть вид, род, общее — выше частного, индивидуума, или, выражаясь терминами биологии, филогенез выше онтогенеза, хотя они находятся в неразрывной связи. В этом контексте Мечников приводит удачную

цитату китайского философа Мэн-цзы, который говорил: «Народ выше всего и драгоценнее всего на земле, за ним идут земные гении, и только на последнем месте стоит повелитель». Мысль, совершенно противоположная утверждениям идеологов либерализма о превосходстве индивидуальной свободы личности над всеобщим правом народа.

Мечников, уже как историк и географ, проанализировав влияние климатических факторов на развитие наций в различных частях земного шара, объясняет причину превосходства европейской цивилизации. Она в основном развивалась в районах изотермы между +16° и +4°. «Изотерма + 10° с достаточной точностью определяет центральную ось этого климатического и культурного пояса». Он пишет: «Благоприятные условия: почва, климат, форма и положение материка, словом, благоприятная среда – вот что послужило причиной для возвышения европейцев и дало им возможность стать в авангарде человечества...». Хотя о климатических факторах, как мы помним, писали со времен Бодена, Мечников уже с фактурой на руках подтвердил предположения своих предшественников. Причем здесь важно иметь в виду, что температурные крайности (или очень жарко, или очень холодно) либо не способствуют труду, либо делают его бессмысленным. А жизнь и прогресс – это «потребность постоянного и более или менее напряженного труда». И в заключение, говоря о перспективе американской цивилизации, Мечников пишет: «...природа Нового Света также ставит перед жителями выбор: смерть или солидарность, других путей у человечества нет. Если оно не хочет погибнуть, то люди неизбежно должны прибегать к солидарности и к общему коллективному труду для борьбы с окружающими неблагоприятными условиями физико-географической среды. В этом заключается великий закон прогресса и залог успешного развития человеческой цивилизации».

Между прочим, аборигены Америки в свое время выбрали смерть вместо солидарности. А до нашествия испанцев не смогли справиться с окружающей средой из-за отсутствия научных знаний о природе и обществе. Последнее не менее важно, чем первое. Доколумбийские индейцы представляли собой спящие общества. Внутри этих обществ веками не происходило никакого развития. Полная стагнация без социально-политических потрясений. Не было никаких революций. А без революций не может быть развития, так же как без скачков нет изменений в природе. И Мечников совершенно прав в первой части своего утверждения: «Революционный дух, дух возмущения – это существенный фактор прогресса – проявляется в тот или иной

момент во всякой стране». Но он не прав во второй части: не всякой стране. Там, где нет революционного духа, там затхлость, стагнация и в конечном счете вымирание населения. Многие индейцы, между прочим, стали вымирать еще до прихода конквистадоров.

Со многими мыслями, высказанными Мечниковым, можно не соглашаться (в значительной степени это зависит от идеологии самого ученого), но, отрешаясь от идеологии, нельзя не признать правомерность и важность «элементов» понятия «прогресс», которые ввел русский ученый, а именно: пространство и время, техника (знания), человеческий вид, труд, географическая среда, солидарность, или кооперация и, наконец, революционный дух. Все эти «элементы» нам в последующем понадобятся.

Лев Платонович Карсавин (1882–1952)

В современной России, переживающий бум религиозного экстаза, не могли не быть востребованы доктрины космизма и всеединства, когда-то популярные среди российских теософов, особенно из эмигрантской среды. И хотя эти эмигранты-теософы были очень сильно обижены на советскую власть, в то же время они не приняли и западные рационалистические представления на мир, которые они в жесткой форме подвергали критике. Исторически это объяснимо, поскольку после Первой мировой войны Запад переживал не лучшие времена, отражением чему как раз и служили пессимистические оценки самих западных философов о будущем Европы и вообще Запада. Тогдашняя Россия, после Октябрьской революции, также не давала поводов к оптимизму, имея в виду сложный и подчас кровавый период утверждения социализма в полукапиталистической и полуфеодальной стране. В такой ситуации, в обстановке «всемирного хаоса» обычным в истории является тяга к религии. Естественно, это делается не прямо (для этого существуют попы), а косвенно, так сказать, на «научном» и философском поле.

Одним из таких теософов был Карсавин, на мой взгляд, крупнейший религиозный мыслитель среди эмигрантской среды. В 1923 г. он опубликовал в Берлине труд [2], в котором подробно, в специальной главе «Теория прогресса» разбирает интересующую нас проблему.

В отличие от современных российских «мыслителей», пишущих на эту тему, он поначалу дает определения терминам «изменение» и «развитие», понимая, что, если этого не сделать, они могут совпасть с термином «прогресс». Его определения звучат таким образом:

«Изменение есть непрерывно меняющаяся во времени система взаимоотношений пространственно разъединенных элементов».

«Развитие необходимо предполагает то, что развивается. Нет развития без субъекта развития. ...Нет субъекта и развития, а есть развивающийся субъект».

Хотя последнее не является собственно определением термина «развитие», а указывает на субъекты данного явления, тем не менее из приведенных формулировок можно вынести следующее. Изменению может подвергаться любой «элемент» бытия, в то время как развиваться может только субъект, под которым Карсавин понимал человека. Это очень важное отмежевание от тех, кто приписывает внечеловеческому миру, например солнцу и т.д., «развитие». Эту онтологическую посылку Карсавин применял и к истории, которая есть преимущественно «наука о жизни», «живая развивающаяся личность». И таким образом цель исторического исследования – познание «качествования всеединого человека как в единстве его, так и во всех его моментах». Причем у него «всеединый человек» - это «всеединое человечество», а «семья», «сословие», «класс» — «всеединые личности». Такая диалектика отличается от гегелевской триады (всеобщее, особенное, конкретное). Это, конечно, не суммирование «личностей», а выделение конкретного ядра, без которого не может существовать общее (человечество, семья и т.д.). Отсюда вытекают у него и такие необычные словосочетания, как «коллективная индивидуальность», «личность народа».

Вряд ли кто всерьез будет оспаривать тезис о том, что человек есть венец природы (хотя находятся такие глупцы), однако если бы познавали «живую историческую личность» во всех ее моментах и т.д., думаю, тогда не была бы написана не только история человечества, но даже история какого-нибудь небольшого государства. Все-таки «личностей» много, а историков значительно меньше.

Что же касается непосредственно прогресса, то в этом вопросе Карсавин не оказался оригинальным, повторив тривиальные стенания своих братьев по «религиозному

классу» – западных теологов. Во-первых, в отличие от слов «изменение» и «развитие», слову «прогресс» не было дано определение, а было сказано, что «„идеал прогресса“... всегда содержит в себе момент оценки, и притом оценки этической». Это касается и слова «регресс». Причем, как следует дальше, речь идет об оценке не только этической, но и религиозной. Если это так, тогда просто невозможно будет оценить ни одну эпоху, ни одно явление из-за различия этических норм как по горизонтали (география), так и по вертикали (история). Карсавин сам приводит пример с Ренессансом. Одни оценивают этот период как прогрессивный, другие называют его регрессом и даже «началом вырождения человечества». Видимо, Карсавин имел в виду все-таки «духовное» вырождение, поскольку с точки зрения «рождения» именно с начала Ренессанса человечество после полуторатысячелетнего мракобесия начало скачкообразно размножаться.

Так где же или в чем критерии прогресса? – спрашивает сам Карсавин. «Что важнее: политическое или социальное?». Все это, оказывается, ерунда. Не ерунда следующее: «Если установлено, что есть Бог, внешний миру, но давший этому миру законы, повелевший предпочитать духовные потребности душевным и телесным, – Божьи законы и являются критерием для сравнительной оценки всего относительного по качеству». Как говорится, приехали. А если не установлено, что есть бог? Что тогда?

Карсавин критикует и «бесконечный эмпирический прогресс» – это когда «развитие человечества дает бесконечный ряд моментов подъема, из которых последующие ценнее предыдущих». Это, безусловно, верно, поскольку «ценность» опять же будет определяться субъективно. Атакует он и «формулу прогресса», как «рост дифференциации при сохранении единства» (атака на позитивизм русских в лице П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского). С этим тоже можно согласиться. Но где же выход без «божественных критериев»? А его нет. «Какую бы сторону развития мы ни брали, во всякой легко показать недоказуемость прогресса».

Далее он описывает противоречия прогресса: знания накапливаются, но они разрозненны; техника растет – падает искусство. Да и «растет» ли техника? А если и растет, то человек становится ее придатком, она поработает человека. И тем не менее: «Но пускай прогресс в прошлом будет вполне доказанным фактом. Этим еще не доказано, что предстоящее развитие прогрессивно». Короче, с прогрессом не понятно, зато ясно с человеческим развитием. Он пишет: «Мы признаем единственным центральным моментом исторического развития Боговоплощение.

...Вполне в сфере наших общих предпосылок мы выдвигаем центральное значение личности Иисуса Христа и понимаем исторический процесс как развитие Христовой церкви».

Это как раз и есть «социокультурный этикоцентризм», из которого черпают идеи нынешние теософы России, называющие себя философами, в частности автор статьи о прогрессе в современном «Энциклопедическом словаре по Философии». Этот автор (И.А. Василенко) пишет, что достоинство такого подхода заключается в том, что он является альтернативой «западным рационалистическим принципам жизнестроения» (слово, кстати, весьма удачное).

Этот автор, лягнув, как и полагается, утопическое видение мира (которое, естественно, приписывается марксизму), радуется возвращению российских философов к наследию «серебряного века», которое способно возродить «традиции самобытной национальной культуры». «Российский цивилизационный синтез качественно отличается от западного тем, что требует не нейтрализации культурно-ценностных изменений, а, напротив, их активизации».

Таким образом, у Карсавина прогресс слился с процессом. И он очень и очень бы обрадовался: в нынешней России, как говорил один из ее разрушителей, «процесс пошел», процесс охристианивания русского народа. Сопровождается, правда, этот процесс убиением этого самого народа. Христианство действительно, оказалось, процессом антипрогрессивным.

Было бы печально, если бы российская мысль выражала себя вот в таких «этикоцентристских» взглядах. Слава богу, есть и другие.

«Трансгресс» Андрея Ильича Фурсова

На фоне бесчисленного количества официальных «ученых»-трубадуров в России, воспевающих постсоветский капитализм, контрастно выделяется небольшая группа обществоведов, пытающаяся критически осмыслить современную реальность. Достойное место среди них занимает историк, точнее обществовед, Андрей Фурсов, работы которого благодаря своей неординарности постоянно провоцируют дискуссии. Следует подчеркнуть, что в отличие от западных исследователей, сдерживающих себя

ложной политкорректностью, доходящей до абсурда, русские о таких пустяках не думают и «правду матку» режут в лицо. И при этом почти никогда не сомневаются в своей правоте. Это, конечно, не по-западному, но в такой манере есть одно неоспоримое преимущество: атакующий и критикующий стиль ярче высвечивает саму проблему, не говоря уже о позиции автора. У западных же авторов, соблюдающих «приличия», когда все «правы», часто не поймешь: из-за чего сыр-бор?

Фурсов как раз один из таких авторов, с которым можно не соглашаться, но с которым интересно спорить, поскольку есть предмет спора. И я вынужден в него вступить, поскольку его статья о прогрессе[3] к прогрессу, не имеет отношения. Но предварительно необходимо сказать следующее. Эту статью он писал, исходя из своей общей конструкции мировой истории, которая смыкается с представлениями о мире И. Валлерстайна. Возможно, Фурсов оказался под его влиянием. Возможно, его собственная конструкция совпала с валлерстайновской. Так часто бывает. Не суть. Суть в том, что она строится в соответствии с теорией «модерна», которая как бы породила два направления исторического развития, базирующихся на двух прогрессистских идеологиях: либерализм и марксизм. И обе они, считает Фурсов, провалились. Причем социализм, который он, следуя буржуазному клише, называет коммунизмом, у него не является самостоятельной формацией, а представляет то ли дополнение, то ли довесок к мировому капитализму. Я, естественно, не согласен с такой фундаментальной посылкой, которую он подробно развивает во множестве своих работ, но не собираюсь вдаваться подробно в анализ данной конструкции, а сконцентрируюсь на его рассуждениях о прогрессе в упомянутой статье.

Фурсов, как и многие западные исследователи, трезво оценивающие реальность, критикует так называемый «прогресс», но в рамках уже упомянутой конструкции «модерна», которая у него охватывает период между 1789 и 1991 г. Он почему-то решил, что слово «прогресс» есть «одно из центральных слов XX века и модерна в целом». Мне в принципе не понятно выражение «одно из центральных слов», которое употребляет не только он один. Думаю, что вряд ли Фурсов подобное утверждение подтвердит статистически[4]. Скорее всего, в XX веке наиболее часто употребляемыми словами (buzzwords) в реальной политике были «война и мир», «социализм и капитализм/империализм», «гонка вооружений и разрядка» и т.д. Тем не менее допускаю. Пусть Фурсов прав: пусть «центральным» будет слово «прогресс». Но уже следующее утверждение невозможно доказать, а именно: «XX век завершился крушением обоих прогрессистских проектов Модерна — марксистского и

либерального, обеих форм универсалистской геокультуры Просвещения, по которому (я согласен с Дж. Грэм) впору справлять поминки». Полагаю, что Грэй и Фурсов поторопились.

Видимо, в первом случае имеется в виду распад СССР и соцлагеря в Восточной Европе, а второй случай, по идее, должен быть увязан с капсистемой. Но такое утверждение противоречит очевидным фактам. Марксизм как идеология в специфической китайской форме находится на вооружении Коммунистической партии Китая, партии по количеству превосходящей население любой страны в Европе. Причем управляющей населением в 1 млрд. 300 млн. чел., что значительно больше населения Западной Европы и Северной Америки вместе взятых. Какое же здесь крушение? Либерализм, если под ним иметь в виду западные государства, несмотря на ряд финансовых и политических ударов в XX веке, не только не рухнул, но пока продолжает доминировать в мире. (В скобках отмечу, что «либерализм» не является универсальным термином для определения нынешнего капитализма.)

Но даже если согласиться с идеей «крушения» этих двух «проектов» (совершенно не понятное для меня слово в данном контексте), какое отношение они имеют к прогрессу? Конечно, любая система так или иначе отражает идеи прогресса в каких-то структурах (весь вопрос — в каких?), но означает ли крушение системы обязательно крушение и прогресса? Скажем, исчезали целые империи, рушились цивилизации, менялись общественно-экономические формации, и что? Вместе с ними «исчезал» прогресс? Чтобы делать такие выводы, надо тогда с самого начала прояснить, что такое прогресс? Равносилен ли он «прогрессизму»? (На этот вопрос в статье так и не был дан ответ.)

Фурсов поначалу, совсем как Нисбет (которого он, судя по всему, не читал, но их логики совпадают), пытается показать, что идея прогресса была почерпнута просветителями из христианства Средних веков прежде всего как концепция будущего. Не исключено, что некоторые просветители могли что-то заимствовать из библии, из трудов того же Августина Блаженного. Ничего в этом плохого нет, тем более что и в библии и в трудах некоторых церковников-теософов можно найти много «прогрессивных» идей. Мне, правда, почему-то попадались просветители, в том числе и те, которые были проанализированы выше, в основном критически относившиеся к Средневековью и вообще к религии. И черпали они свои идеи чаще из работ античных авторов, но самое главное – из жизни. Любопытно. Нисбет восхваляет средневековых

мыслителей из большой любви к религии, а Фурсов — из большой нелюбви к капитализму, предшественниками и идеологами которого как раз и были европейские просветители XVII-XVIII веков. Однако если отрешиться от исторической неточности Фурсова, поскольку просветители как раз крайне резко относились к Средневековью, а обратить внимание на саму идею: настоящее-в-будущем, то в ней содержится очень важная мысль. Он пишет: «Прогресс — это настоящее-в-будущем, настоящее, продленное в будущее и слитое с ним. Прогресс — это по сути уничтожение Будущего как особого качества, превращение его в настоящее, низведение Будущего до будущего. Это разрушение моста из Времени в Вечность. Прогресс — это историческая и метафизическая диверсия, взрыв единственного моста в Вечность, уничтожение Великой Христианской Мечты. Но не только. Прогресс — это и Вечность во Времени, Вечность, перенесенная во время посредством вечности настоящего-в-будущем».

И хотя эта экзальтированная тирада может вызвать множество вопросов, здесь важно другое: «нечто», зашифрованное в слове «прогресс», не хочет Будущего, оно уничтожает Будущее, стремясь превратить его в-себя-настоящее. В результате оно хочет быть Вечностью, той протяженностью, у которой нет ни будущего, ни прошлого (уйти «в прошлое-как-настоящее»). Несмотря на кажущуюся абсурдность утверждения, в нем кроется гениальная мысль, причем она не связана с религиозными мифами о вечности, а имеет вполне материалистическое обоснование, которое будет разъяснено в соответствующем месте. Здесь только отмечу. Прогресс, что бы ни стояло за этим термином, не только не «хочет» Будущего, он борется с этим Будущим, т.е. он вступает в борьбу со вторым началом термодинамики, с законом возрастания энтропии, законом смерти. Именно в этом сокрыта величайшая сила прогресса. У Фурсова же она повисла в воздухе, поскольку он пошел по дорожке, проторенной западными исследователями.

Во-первых, он признает «живую природу» вне человеческого бытия, и, во-вторых, приводит критерии прогресса для этой самой «живой природы» в духе Спенсера и других эволюционистов (усложнение и дифференциация). Правда, как человек современный, в основу всех критериев он кладет «увеличение информационно-энергетического потенциала при сохранении или уменьшении вещественной массы носителя». Он в этой связи признает наличие «информации», например, в мозгу рептилий. Каким образом можно подсчитать количество «информации» (я подчеркиваю – информации) в мозгу рептилий, собаки или кошки, понять невозможно.

Дело в том, что информация является информацией только тогда, когда она осознается субъектом. Если рептилии и прочие твари способны на это, тогда другое дело. Но тогда они уже не рептилии, а разумные существа, с чем трудно согласиться, наблюдая их потомков в лице крокодилов, варанов и ящериц. Хотя, конечно, критерий «энергетическо-информационной массы» может оказаться небесполезным, но только применительно к единственному живому существу, по крайней мере в нашей галактике, – к человеку. Как только кто-то идею прогресса начинает применять к «живой природе», получается масса несуразностей, в которых виновата не наука, которая, дескать, «до сих пор толком не объяснила возникновение /Вселенной, жизни и человека», а сами «ученые», которые не могут различить живое и неживое, и что законы органики, не говоря уже о законах неорганического мира, не работают в сфере общественных отношений. Фурсов как раз и ставит вопрос: а нельзя ли перенести критерии и принципы «живой природы» в сферу социальную, в сферу земной цивилизации? – Нет, Андрей Ильич, нельзя, ни «в самом общем плане», ни в конкретном. Поэтому ученым всегда надо осторожно обращаться к метафорам, эпитетам и сравнениям природных явлений с общественными. Нередко такие украшения сбивают с толку, создавая иллюзию «психологической» совместимости различных миров.

Переходим к обществу. В этой части Фурсов пытается доказать, что последующие общественные формации ничуть не прогрессивнее предыдущих, точнее, они как бы движутся по линейно-возвратной схеме (прогресс – регресс). В качестве критерия он берет уровень развития сельского хозяйства. «Так, пишет он, – уровня сельскохозяйственного производства I–II вв. н.э. (эпоха Антонинов) Западная Европа достигла — после тысячелетнего провала — лишь в XI–XII вв. Затем был новый провал XIV–XVI вв., и уровень II и XII вв. был достигнут лишь в начале XVIII в.». Поскольку это утверждение не подтверждено ни данными, ни источниками, я позволю усомниться в его правоте. И проверю его на другом критерии – росте населения в эти периоды, который можно рассматривать как агрегативный отражатель всех сторон жизни человека.

Действительно в III–IX вв. наблюдается падение численности населения с 36 млн. чел. во II в. до 26 млн. в VI в. и восстановление его численности до 36 млн. в X в. Но в XI и XII вв. население выросло уже до 44 и 58 млн. чел. соответственно. То есть хронологические рамки «провала» были смещены на два века. Но Фурсов по какой-то причине не упоминает, что на этот период как раз и приходился распад

рабовладельческой Римской империи и формирование новых европейских государств. Именно с момента их образования, а это фактически с X в., одновременно утверждался феодализм как формация, который быстро обнаружил свои преимущества перед рабовладельчеством, агрегированным свидетельством чему и является скачкообразное увеличение населения стран Европы. Надо также не забывать, что в это же время утверждалось христианство, увеличивающее хотя рабов божьих, но все-таки рабов. Бессмысленно говорить о том, какова роль христианства была в прогрессе общества, поскольку сам европейский феодализм строился на монорелигии. Но в любом случае именно христианство более полутора тысяч лет господствовало в Европе и определяло темпы ее развития. Темпы, безусловно, медленные, тем не менее более ускоренные, чем в эпоху рабовладельчества. Провал действительно был в XIV в. (а не в XIV–XVI вв.), население упало до 60 млн. чел. с 79 млн. чел. в предыдущем XIII в., но это в значительной степени было связано с массовой чумой. Но даже этот век был выше и II и XII вв. вопреки утверждениям Фурсова.

Кстати сказать, никаких особых проблем для сравнения европейских и азиатских обществ нет. Даже если исходить из стандартных критериев, связанных с подсчетом экономического потенциала, количества населения или «вещественно-энергетической массы». В этих критериях, хотя и косвенно, отражается жизнеспособность обществ. И Фурсов прав, когда, исходя из критериев экономического потенциала, утверждает преимущества азиатских обществ (в данном случае Китая и Индии). По крайней мере до начала XIX века на эти две страны приходилось более 80% экономического потенциала мира.

Что касается настоящего. Как оценивать современные капиталистические общества? В другом месте я уже приводил оценки капитализма как со стороны «левых», так и «правых» западных ученых. Фурсов призвал к себе в союзники И. Валлерстайна, который во многих своих работах утверждает, что капитализм не представляет собой прогресс по сравнению с различными предыдущими обществами. При этом, естественно, перечисляет набор стандартных негативных явлений, порожденных капитализмом. Главный вывод: «Прогресс капитализма — это прогресс для меньшинства, представляемый как материальный и духовный прогресс для всех или для большинства. В зависимости от конкретного периода истории мировой экономики это меньшинство может составлять от 15% до 25%». Такого же мнения, между прочим, придерживаются очень многие российские ученые левого направления (например,

такой известный среди них, как С. Кара-Мурза[5]). Причем в отличие от Маркса, который капитализм всегда рассматривал исторически, по-разному оценивая его различные фазы, Фурсов вместе с Валлерстайном прогрессивность капитализма отрицают в принципе. Более того, они настолько «переросли» Маркса, что очень часто снисходительно указывают на его «промахи»: что-то он не учел, что-то «некритически заимствовал у либерализма» (38) и т.д. И вот каким образом «доказывает» Фурсов неправоту Маркса, причем по фундаментальным вопросам.

Маркс, как известно, утверждал, что обычно более развитые производительные силы вступают в противоречие с косными и отстающими производственными отношениями, что нередко ведет или должно вести к смене формаций. Фурсов утверждает обратное. Производительные силы последующей формации как раз уступают производительным силам предыдущей формации. И в качестве доказательства приводит примеры: «Первые автомобили уступали в скорости лошадям, первые мануфактуры – цехам, а предки людей – многим представителям животного мира». Последнее, полагаю, особенно «убедительно», поскольку не только «предки людей», но и сами люди даже в наше время продолжают уступать, я бы сказал не «многим», а всем животным современного мира. Собаке – в способности «нюхивать», кошке – видеть ночью, мухе – летать, как захочется и т.д. Разве Маркс где-нибудь писал, что с момента появления «первой» мануфактуры возникли преимущества нового строя? Чтобы возникло противоречие между новым и старым, таких мануфактур должно быть достаточно много, они должны образовать определенную экономическую массу, ощутимую в производственном процессе. После чего эти «цеха» из-за более низкой производительности труда начинают разоряться и исчезать. Только тогда начинают зарождаться и противоречия между производительными силами и производственными отношениями. И это не одномоментный акт. Для этого необходимо историческое время, которое растягивается на столетия, причем время для разных стран может варьироваться. Не представляю, чтобы Фурсов не понимал этого, но им уже управляет его «конструкция Модерна». (На самом деле этой конструкции придерживается очень много буржуазных историков на Западе.)

У Фурсова есть и другое утверждение в противовес Марксу и марксизму: помимо того, что производительные силы у новых обществ являются регрессивными, производственные отношения первичны относительно производительных сил. В его мудреной фразе данное утверждение звучит так: «Прогрессивными были рекомбинация элементов социальной структуры и возникновение нового

исторического субъекта, нового типа человека и его организации, создававшего новую систему. Именно так — от субъекта к системе, а не наоборот: непосредственной филиации[6] одной системы из другой не бывает».

Предполагаю, что Фурсова подвел системный подход, который здесь просто не уместен. Слова «рекомбинация», «элементы», «система» лишены исторической реальности, они «пусты» и ничего не объясняют. Просто «рекомбинация» чего-угодно не может быть ни прогрессом, ни регрессом. Что, «исторический субъект» в воздухе что ли летал, пока не вернулся в «систему»? А элементы «социальной структуры» — это разве не политическая среда, определяемая характером производства или производственных отношений? Фурсову кажется, что использование системных терминов позволяет объективно оценивать общественные явления. К ним, между прочим, очень любят прибегать многие защитники капитализма. Поскольку на самом деле этот подход лишает предмет анализа именно его социальности, общественности, политики и экономики. Остается «пустая» абстракция.

В конечном счете этот антимарксистский подход приводит Фурсова к понятийному тупику. Он пишет: «Таким образом, любой системный сдвиг включает регресс (в большей степени) и прогресс (в меньшей степени). Прогресс и регресс суть различные аспекты трансгресса. Запомним этот термин, который нейтрально фиксирует факт системного сдвига, его, как сказал бы Гегель, “чистое бытие”».

И зачем же ему понадобился этот трансгресс? Вот зачем: «Именно трансгресс обычно пытаются выдать за прогресс и тем самым доказать, что смена одного социального порядка на другой есть законный и оправданный переход на более высокую ступень развития и что от нее выигрывает большинство. На самом деле от изменения социального порядка выигрывает лишь определенное меньшинство».

Возможно, в России кто-то и выдает трансгресс за прогресс (хотя в русском языке я встречал это слово всего один раз в каком-то художественном диалоге), но в западной философской и политологической литературе в этом смысле его просто невозможно встретить хотя бы уже потому, что оно означало бы «нарушение закона», «тяжкий поступок» или «грех» (так в английском языке переводится слово “transgression”). Возможно, для русского уха это звучит красиво, но даже этимологически оно не уместно. Даже если мы возьмем первоначальный его исток — латынь: gressus — шаг, курс, путь; про-гресс — шаг вперед, ре-гресс — шаг назад, транс-гресс — шаг в сторону,

вовне, в никуда. Какое же это «чистое бытие» по Гегелю? Здесь сделаю небольшое отступление.

Идею «трансгресса» по Фурсову раскритиковал российский политолог Борис Капустин, но не столько из-за самого понятия, а из-за его антикапиталистической направленности[7]. В этом вопросе я на стороне Фурсова, поскольку полагаю, что нынешняя стадия капитализма действительно исчерпала все свои исторические преимущества, и капитализм превратился в субъект регресса, разрушения и себя, и других. Но что касается философской части, то, думаю, Капустин частично прав. «Прогресс и регресс – не сосуществующие бок о бок „стороны“, а конкурирующие идеологические и политические проекты разных сил»[8]. Весь вопрос только в том, кого мы назовем силами прогресса, а кого силами регресса. Многие в России, включая Капустина, ко вторым относят большевиков. Самое интересное, что в конечном счете общие формулировки Капустина и Фурсова о прогрессе совпадут. Но об этом чуть ниже.

Итак, по Фурсову, трансгресс = (больше регресса + меньше прогресса) /по-ленински: два шага назад, шаг – вперед/, т.е. в результате все-таки регресс. Исторически это преломляется таким образом: капитализм хуже феодализма. На всякий случай, для тех, кто не разбирается в логике, эту идею Фурсов расписал на двух с половиной страницах, где доказывал, что нарождающаяся буржуазия разрушила более или менее неплохое феодальное общество, которое либералы и марксисты извратили в своих работах. По крайней мере так считает такой авторитет, как Валлерстайн.

Хотя я с этим не согласен, но опровергать этот тезис не собираюсь, несмотря на призыв Фурсова попытаться это опровергнуть, поскольку просто эта тема не имеет непосредственного отношения к моей.

Если мы дальше будем следовать логике Фурсова, хотя сам он почему-то в какой-то момент от нее отказывается, то если феодализм лучше капитализма, тогда рабовладельчество, которое Фурсов вежливо называет Античностью, лучше феодализма (т.к. любой трансгресс – это регресс). Он так не пишет и вроде бы даже наоборот: у него почему-то Античность хуже феодализма. Но надо же все-таки придерживаться одной логики. И тогда первобытные общества лучше рабовладельческих (тем более, что тогда вообще существовал первобытный коммунизм). Ну и далее к кроманьонцам, неандертальцам... В общем, наша

швейцарка (Карла Обри Крадольфер из Социологического института Цюрихского университета) оказывается правой: 15 тыс. лет назад прогресса было больше, чем сейчас.

Вот к таким интересным вещам ведет теория трансгресса, если последовательно придерживаться его содержания. Но это, как подсказывает английское значение этого слова, является нарушением закона, закона развития человечества.

А вот итог статьи: «Прогресс — частная форма изменения, развития. Суть этой формы — качественное изменение, сопровождающееся увеличением информационно-энергетического потенциала агента прогресса и, как следствие, усилением конкурентоспособности, захватом новых ареалов и дифференциацией. Прогресс всегда осуществляется за счет и в ущерб кому-то как внутри системы, так и вне ее, и обусловлен необходимостью выживания в острокризисной ситуации. В этом плане следует говорить не о прогрессе, а о единстве прогресса и регресса, а еще точнее — о трансгрессе».

Напоминаю. Карсавин поначалу определил, что такое «изменение» и «развитие», утверждая, что прогресс к ним не имеет никакого отношения. Фурсов прогресс подвел под эти понятия. Но под изменение, развитие и движение можно подвести любое явление. Даже регресс тоже есть «частная форма изменения». А все эти изменения есть движение (поскольку движение есть все).

И вот вам формулировка Капустина: « Прогресс есть особенная форма движения, присущая современному обществу... и имеющая уникальное западное происхождение». То есть до «современных обществ», до Запада никакого прогресса не было. Не понятно, как человечество только дожило без всякого прогресса до современности? На онтологическом уровне у наших авторов получилось, что прогресс – это движение (изменение), т.е. определения нет. На политическом: для Капустина на Западе прогресс (он сам за цивилизованный капитализм), для Фурсова – регресс, т.к. капитализм – это система для господствующих групп. (С чем не могу не согласиться.)

Фурсов, как и многие другие обществоведы, проанализированные выше, не смогли выявить суть прогресса потому, что искали его в исторической плоскости. Это тот самый политологический подход, который уводит фактически всех исследователей прогресса от понимания его онтологической сути. И хотя в истории, политике,

экономике и вообще в обществе мы можем обнаружить его проявления, суть же запрятана в другой ипостаси, на которую косвенно намекал Кондорсе.

Фурсов все-таки в какой-то степени прав в своей последней формулировке, что трансгресс (хотя слово неуместное) есть единство прогресса и регресса. Только единство это противоречивое; они не близнецы-братья, а враги, которые не могут существовать друг без друга. Но результаты этой борьбы всегда определяет сила. И то, что мы до сих пор существуем как вид, как род человеческий означает, что сила прогресса пока (тьфу-тьфу) превосходит силу регресса. Это демонстрирует практика, но эту идею надо обосновать и теоретически.

Алекс Бэттлер

21.01.2007

[1] Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи.

[2] Карсавин. Философия истории.

[3] Фурсов. Операция «Прогресс».

[4] Когда я занимался Японией, мне казалось, что «центральным словом» в XX в. была «Япония», а когда стал исследовать Китай, то решил, что все-таки «центральным словом» является «Китай». Это заявление из серии обоснования кандидатских и докторских диссертаций, в начале которых утверждается: в последнее время тема «такая-то» стала одной из самых актуальных (центральных и т.д.) в мире. Что есть детский сад.

[5] См.: Кара-Мурза. Наука и кризис цивилизации.

[6] «Филиация» в данном контексте означает «развитие». Русские обожают иностранные слова.

[7] Капустин. Спор о прогрессе.

[8] У русских какой-то бзик в отношении своего языка. Содрали у Запада слово «проект» и применяют его как попало. Можно подумать, что есть или была какая-то сила, которая создала «проект» регресса, а другая — «проект» прогресса. Для создания таких проектов надо хотя бы знать, что такое прогресс и регресс.